

ПРОЛОГ

Мощный навороченный немецкий внедорожник подбросило на очередной яме, и водитель невольно выругался. Обернулся к сидящему рядом худому лысому пареньку и озабоченно спросил:

— Ты как?

— Нормально, — ответил тот сквозь зубы.

— Потерпи слегка, — извиняющимся тоном сказал мужчина. — Уже должно быть недалеко. Странно, но даже здесь навигатор пашет.

Удивление его было достаточно понятно. Вокруг грунтовой дороги рос настоящий лес. Неухоженный и мрачный. Может, это и называется «настоящая тайга»? От ближайшего города добрая сотня километров, а почти вымершая деревня в двух десятках. Полная тишина, мелкая живность наверняка попряталась из-за рева двигателя, и лишь иногда от холодных порывов ветра качаются верхушки деревьев.

Он бы ничуть не удивился, выйди на дорогу медведь или оборвись колея прямо сейчас вопреки всем уверениям. По крайней мере, не осенью по грязи или зимой пилит. Запросто бы сел на брюхо, и помощи не дожидаться. Даже с собой никого взять дополнительно нельзя. Почему-то егерь категорически отказывался иметь дело с кем-то помимо прямого родственника. Охрана или даже друзья полностью исключались.

Хлипкий деревянный мостик через едва заметный, обмелевший от жары ручеек остался слева, и водитель сам себе с удовлетворением кивнул. Едет правильно, мостик и ручеек в качестве дорожных примет называли. Проехал еще с километр, и за поворотом обнаружился забор. На крыше установлены солнечные панели и парочка антенн. Телефон и интернет уж точно имеются, несмотря на глушь. Возможно, рация.

Остановился и погудел. Хозяин обязан был знать о приезде, и ничего удивительного, что выскочил почти сразу. Крепкий невысокий мужчина с бородой. Улыбка радушия на лице, при том глаза настороженные и цепкие. Приходилось видеть таких людей. С благожелательной миной сунет нож под лопатку, только отвернись. А говорят, в деревнях остались приличные люди, особенно в лесу. Впрочем, если с браконьерами придется дело иметь, человек должен быть непростой.

Чуть позже обнаружилась парочка стареньких советских карабинов на стене и не иначе ГГ за поясом сзади. Толком не рассмотреть под курткой, но откуда здесь импортному изделию взяться. Телевизор тоже древний в комнате. Любопытно, куда ж он деваает огромные деньжищи.

Вроде случайно бородач задал парочку невинных с виду вопросов. Это было предусмотрено. Хотя странно после подтверждения от рекомендовавшего, четких подробных инструкций и перевода немалой суммы. Правда, допрос продолжался недолго. Парнишка почти вывалился из машины, ему было плохо, и пришлось нести его на руках. Уложил на кровать и потребовал:

— Когда? Он совсем плох.

— Так на рассвете, — пожимая плечами, прогудел егерь. — Рази ж Пал Ваньч не объяснял?

— Но, может, есть возможность ускорить? — спросил с раздражением водитель. — Каждая минута на счету. — Извлекая из сумки шприц и набирая в него болеутоляющее, нервно повысил голос.

— Это не научное, а альтернативное лечение, — с оттенком скуки в голосе произнес хозяин, глядя, как водитель колет. — Ты приехал, теперь не лезь с претензиями, а делай чего говорят. Во всем есть смысл и не зря сразу не делается, а в определенный момент. Пойдем пока, поешь с дороги.

Водитель вскинулся недовольно.

— И я тоже поспедаю, а он пусть поспит. После такого, — похоже, хозяин название ампулы углядел, — должно отпустить на время.

На столе стояла большая сковорода с жареной картошкой и мясом, залитой яйцами. На тарелке огурцы, помидоры и лук. Еще принес из застекленного буфета (явно пятидесятых годов мебель, нынче таких и в антикварном магазине не обнаружить)

бутылку початую. Внутри плескалось нечто, и по виду не иначе самогон, уж больно мутная жидкость.

— Я не буду, — пробурчал водитель, прикрывая ладонью граненый стакан, а какой еще мог оказаться в таком месте, — с утра не ел да на нервах. Развезет.

— Не бойсь, — заверил хозяин, — подниму вовремя. А это разве выпивка? Чисто для аппетита, на полезных травках. Давай-давай, я знаю, что делаю. Отпустит слегка напряг.

На вкус содержимое оказалось соответствующим виду. Противно и горько. В животе зато сразу стало горячо. А через мгновение пропал свет...

Очнулся водитель с дикой головной болью и с недоумением уставился в окно. Солнце чуть не в зените, а значит, проспал прилично мордой на столе. Еда на сковороде так и не тронута, уже давно остыла. Тарелки чистые. Пару секунд в голове тяжело ворочалось недоумение, затем вскочил и метнулся в комнату. Кровать пуста, парень отсутствовал. На полу валялись какие-то вещи.

Может, егерь решил без него проводить лечение, ворохнулась жалкая мысль. Но почему не разбудил? Пнув дверь, выскочил во двор, осматриваясь. Ворота нараспашку, телега с лошадей и корова исчезли. Если первое понятно, то второе хуже некуда. Ушел с концами? Да куда денется, паршивый козел! Через четверть часа здесь будет пара вертолетов, полсотни умелых бойцов и всю округу перекроют. В деревне у егеря прикормленные люди, но вряд ли что-то знают. Их все равно вывернут наизнанку.

Полез в машину, извлек из бардачка спутниковый телефон. Перекрестился и приступил к докладу, подозревая, что с дальнейшей карьерой ожидают огромные проблемы. Как сумел расколоть? Все пароли названы, ссылка на нужного человека неслучайна и, если б что-то подозревал, смылся бы до приезда. Выходит, чем-то насторожил, и всерьез. Полный провал.

Больной проснулся в деревенской избе и пару секунд смотрел с недоумением, потом резко сел. Это было не то место, где он вырубился. Маленькое темное помещение с дверью и без окна. Назвать окном узкую щель, закрытую чем-то, мало напоминающим стекло, смешно. Он сидел на широкой лавке, слегка прикрытой лоскутной тряпкой, абсолютно голый. Главное,

и это было важнее всего, он больше не чувствовал боли! Слабость — да, присутствовала, но это и неудивительно.

Снаружи говорили, и слышно было прекрасно. Только разобрать ничего не удавалось. Слова звучали знакомо, но смысл не улавливался. Можно голову отдать на отсечение, не русский. Отличить немецкий от французского — легко. Испанский, итальянский? Вроде нет, но смутно знакомое проскальзывает иногда. Ничего не понятно. Откуда в Сибири такое? Даже староверы так не говорят.

В открытую дверь заглянула девчонка приблизительно его возраста, в одежде, будто срисованной с фильмов про крепостное право. Длинная рубаха-сарафан серого цвета, некрашеное полотно, ноги босые и грязные. Лицо широкое и некрасивое, зато коса толстая и до пояса. Радостно улыбнулась и сказала что-то звонким голосом. Напрягся и ничего снова не понял. Сделал унылую рожу и развел руками. Она извлекла из-под лавки хорошо знакомый на вид горшок и протянула парню со смешком.

С облегчением отлил, отвернувшись. Девка, ничуть не стесняясь, смотрела на него, потом сунула в руки тряпье, принесенное с собой, и ушла. Это оказалась одежда. Портки, другого слова не подобрать, из жесткой ткани с завязочками. Или это кальсоны? Вроде те надевали под штаны, а здесь даже трусы отсутствуют. Еще рубаха из такой же материи серого цвета. Пришлось натягивать через голову, поскольку пуговицы отсутствовали и вся она была цельная. Только у шеи вырез для удобства. К счастью, обувь на лапти не заменили. С радостью обнаружил разношенные и привычные кроссовки.

Пока он возился, девчонка вернулась. Не пытаясь вступить в беседу, выставила на лежанку чугунок, добавила краюху хлеба, кувшин и деревянную ложку и, игнорируя попытки вступить в беседу, снова удалилась. В горшке оказалась каша, крупа мелкая, но не пшенка, а что-то незнакомое. На вкус вполне нормально, со специями и щедро сдобренная маслом, да еще с кусочками мяса. Не особо он в мясе разбирается, но, кажется, свинина.

Желудок радостно урчал, пока работал ложкой. Давненько не ел с таким удовольствием. А в последнее время с любого куска выворачивало. Все эти химии и облучения до добра не доводят. Машинально провел рукой по голове и замер, почувствовав колющее ощущение. У него отросли волосы? Значит, ре-

ально вылечили?! От переполняющего счастья хотелось заорать и броситься в пляс, но он выдохнул и старательно доел до конца кашу. Мысли слегка путались, глаза слипались. Рассудив, что так или иначе за ним придут и объяснят, что к чему, завалился на лавку и моментально провалился в сон.

Темнице положено находиться в подвале замка, и поскольку это обычно глубже, чем дно заполненного водой рва, там всегда сыро и холодно. Здесь было тепло, и отвели его наверх. Несмотря на то что приковали к полу мощными цепями, а голову и конечности еще обручами, так что смотреть вбок можно, лишь скосив глаза, а двигаться невозможно, помещение меньше всего напоминало камеру. Вместо сплошной стены два небольших и узких окна, дающих свет и позволяющих стрелять по осадившим донжон врагам. У стены находились столы, заставленные всевозможными склянками с жидкостями и без. Весы с гирьками очень малого размера и несколько брошенных на каменный пол тяжелых свитков.

Больше всего это место напоминало лабораторию алхимика или мага. Впрочем, огромный мужчина с коротко постриженной бородкой, намекающей любому на статус наемника (в данном случае бывшего), с мощными мускулами, прекрасно видными, поскольку он был абсолютно наг, никогда в таких местах не был и встречал разве что мелких ворожей и шептунов, обожающих повесить у входа в лавку чучело крокодила, а то и вовсе склеенное из разных животных для пущего эффекта. Приличные профессионалы жили совсем в иных условиях, и услуги их стоили значительно больше, чем могли позволить себе обычные люди.

Неизвестно, сколько он пролежал, глядя на узкую щель неплотно закрытой двери, но через какое-то время раздались шаги. Почти без звука, нарушая привычный стереотип про визжащие ржавые петли, дверь отворилась и внутрь прошел богато одетый человек. Судя по количеству золотого шитья на камзоле и штанах, а также унизанных перстнями пальцах и драгоценной цепи на шее, он был очень богат. Но это и неудивительно. Медальон в виде пентаграммы на шее был знаком если не лично, то понаслышке каждому. Используя без позволения знак гильдии друидов отрубали руки и ноги, затем вешали за шею и на прощанье вспарывали живот. При этом с виду он оказался плюгавым недомерком с горбатым носом и впалыми ще-

ками. А лицо желтое, будто на свету не бывает. В руках он держал простенькую холщовую сумку.

Зато второй был могуч, толст и в плечах не меньше, чем в высоту. Такой мог бы быка убить кулаком, если б тот помешал, но мало шансов, что животное посмеет заступить дорогу. Уж больно рожа страшная. Нос приплюснут, как от мощного удара, на щеке след старого ожога, а на подбородке шрам. Когда открыл рот, выяснилось, что половины зубов нет. Не гнилые — выбиты. У него не было никакого оружия, кроме висящего на поясе кинжала и связки ключей, однако, встретив на дороге такого, моментально постараться удалиться. Уж больно страшнолюден и опасен.

Он волок, держа за шкурку, худого молодого человека. Тот был какой-то рыхлый и излишне тощий, несмотря на правильное телосложение и белые руки без следов мозолей, как будто сроду не делал никакой работы. Но на аристократа абсолютно не похож. Те ребята крепкие и с оружием обращаться умеют. А уж так позволить с собой обращаться, глядя на мотающегося от рывка, никогда б не позволили. Они могли быть глупыми, отвратительно себя вести, но скорее бы умерли, чем сломались. Заставить делать неприятное можно кого угодно, лежащий в цепях человек это прекрасно знал по собственному опыту, но не так легко. Никаких следов побоев на парне не имелось.

В дверь проскользнул еще один тип, по виду слуга, и поставил на стол жаровню. В ней светились красным раскаленные угли. На небрежный жест поклонился и вышел молча.

— Заждался? — весело спросил маг.

— Вам-то что сделал? — прохрипел прикованный пересохшим ртом. — За что так?

Прямо он с плюгавым дела не имел, но давно жил в его владениях и заведовал одним из каналов контрабанды. Приморская территория с ее изрезанными бухтами замечательно подходила для беспошлинного провоза товаров. Официально он заведовал гостиницей, а на практике она стояла в крайне неудобном месте и использовалась для временного складирования выгруженных тюков и ящиков. Плюс с соратниками частенько работал по наводке мага. Придет сообщение убрать человечка, с превеликим удовольствием. Тем более имущество обычно остается в награду. Разве что письмишко достать и передать. Людей в гостиницу подобрал из старых знакомых. На-

емников и прочей швали, без местных знакомств. Заодно и лишнего не сболтнут.

Догадаться о спускающем указании было не трудно. Тем более и прикрывали стражники, а кому сдавал контрабанду, давно известно. Львиная доля уходила не в его мошну, зато и чувствовал себя со своими работниками в здешних владениях спокойно. Никто б и не подумал арестовывать его людей. Точнее, пару раз они позволяли себе лишнее и их за малую мзду выпускали моментально. А ведь розыскные листы практически на каждого душегуба по всему эрлству распространены, и опознать любого невеликая сложность. Потому вдвойне пугала внезапность случившегося. Их опоили на давно прикормленном месте, и очнулся он уже здесь. Сначала заподозрил изощренную месть, однако здешний хозяин оказался прекрасно известным. Хотя об остальных товарищах прикованный ничего не знал, не сомневался в грядущих неприятностях.

— Мне? Ничего, — извлекая из сумки странный серебристый предмет, сообщил друид. — Просто твои бандиты обнаглели и стали лишнее болтать. Пришлось принимать превентивные, если ты меня понимаешь, меры.

Человек как раз не понимал слова, зато хорошо умел чувствовать опасность. Прежде инстинкты не подводили, и он несколько раз уходил от облав, не имея сведений. На одних инстинктах.

— Ну и попал мне в руки очень любопытный экземпляр. — Маг небрежно показал на молодого человека.

Тот широко улыбнулся, показывая на удивление белые зубы, и сказал просительным тоном нечто невразумительное. Ни на один из известных языков это не походило. Охранник дернул его назад.

— Вот видишь, — довольно сказал плюгавый волшебник, — нечто хочет поведать, а выходит бессмыслица. Да и сам странный тип. Я, понимаешь, люблю загадки.

— Я-то при чем?

— Знаешь ли, — он поворошил кочергой на жаровне древесные угли, — давно хотелось проверить одну старую теорию. Даже изготовил клеймо с нужной руной. А тут такой удобный повод. Даже два. Очень не люблю, когда материал зря пропадает, а таскать бондов с округи для опытов чревато неприятными слухами и волнениями. Рабы тоже недешевы. Приходится ис-

пользовать всяческую мразь. Приговоренных. Это, — он поднял специальными щипцами тот самый изогнутый штырь со светящимися от жара блямбами на концах, — руна «ум». Перекачаю ему из твоего мозга, что там имеется. Ты вряд ли переживешь процедуру, но тут ничего не поделаешь. То есть не сдохнешь. Жить останешься, только в виде тупого, пускающего слюни овоща. Вряд ли такая жизнь кому в радость.

Прикованный дико рванулся. Толку от этого не было никакого. Кто б его ни посадил в кандалы, дело свое знал прекрасно. Шею и то не повернешь. Он бы с радостью сейчас ее свернул, но голова, как и конечности, прижаты намертво. Не столько пугала смерть, сколько результат использования на нем магии.

— Не получается иначе. — Маг сделал жест, видимо хорошо понятный, и охранник резко ударил молодого парня, повинувшись хозяину.

Подхватив тело в бессознательном состоянии, осторожно положил рядом с рабителем. Голыми руками разорвал рубашку, обнажив предплечье.

— Я долго размышлял и пришел к выводу, что в древние трактаты вкралась ошибка. Не зря говорится об использовании. Надо правильно применять. Чуюк подправил. Надеюсь, вышла истинная «память». Не «ум». Я передам знание языка при твоей помощи. Правда, тебе без разницы. Нельзя выдрать из головы кусок знаний. Они слишком связаны с разумом.

Тот снова дернулся с рычанием дикого зверя.

— Если б ты был образован, может, и сумел бы оценить великий семилетний труд и одиннадцать отдавших жизнь за науку убийц. В сегодняшнем опыте полностью уверен. Ты станешь двенадцатым во имя знания. И к тому же не требуется печать на лоб. — Он гнусно хихикнул. — Держи, — приказал звероподобному, и тот навалился всей тяжестью на молодого парня.

Железная рука, не соответствующая субтильному виду мага, нажала на грудь бывшего главаря банды, не позволяя шевельнуться, а затем его плеча коснулся раскаленный металл. Второй конец изогнутой железки опустился на тело другого подопытного, и маг пропел древнюю формулу, которую и сами профессионалы не понимали, заучивая наизусть. Тут важно было буквально все, от интонации до скорости и плавности. Не зря среди волшебников без музыкального слуха делать нечего. Ну еще, конечно, железные нервы надо иметь, когда рядом орут на два

голоса заклеянные. Это ж не дóмы¹, и демонстрировать не-сгибаемость при свидетелях им ни к чему. К тому же один орет от отчаяния, а второй с перепугу, очнувшись от боли. Святой металл жжет гораздо сильнее железа, и пока этого никто объяснить не сумел, хотя установлено точно.

Когда глаза бывшего грабителя стали бессмысленными, друид убрал щипцы и кивнул помощнику, чтоб и тот отпустил своего подопытного. Посмотрел и удовлетворенно кивнул. Если на плече превращенного в овощ грабителя имелась неприятная рана, от которой несло паленым, то у парня аккуратное клеймо с хорошо видимой отпечатавшейся руной. Свое дело он знал прекрасно и не в первый раз наблюдал результат. Нисколько не удивился, когда подопытного стала бить дрожь, изо рта понесся дикий вой, и он схватился за голову.

— Через полчаса вернусь, — сказал маг почтительно слушающему звероподобному помощнику. По прежним опытам знал: где-то столько занимает неприятная часть процедуры. Слушать крики боли он не любил, будучи от природы любознательным и рациональным, однако не садистом. — Проследи, чтоб не покалечился.

— Может, пристегнуть?

— Не стоит, — подумав, отказал начальник. — На пол. Еще сломает себе чего. Просто присмотри.

Охранник сентиментальностью не страдал, на продолжающиеся стоны и судороги внимания обращал не больше, чем на жужжащую муху. Спокойно извлек из одного из шкафчиков заранее припасенный солидный кусок каравая с толстым куском жареного мяса и принялся неторопливо жевать, запивая пивом из фляги-тыквы. Снедь он припрятал при первом посещении, когда приволокли основной экземпляр, как выражается хозяин. Не в первый раз участвует в таком деле, всегда надолго, потом трупы выносить, а иногда и кишки с прочим дерьмом. Приятного мало, и голодным из-за этих глупостей сидеть не собирался.

Парень прекратил выть и откатился к столу, выпав из поля зрения. Охранник недовольно вздохнул, оставил еду и подошел. Эге, да он глазами лупает.

— Ближе, — пробормотал тот, — не могу.

¹ Д ó м ы — здешние аристократы. От латинского domus — особняк, дворец. Фактически то, что у нас называлось дворянин. От того же корня. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Присел, пытаясь разобрать еле слышный шепот. Хозяин всегда наказывал запоминать, а тут, похоже, впервые за последние годы удача. Заговорил паршивец!

Встал на колени, наклоняясь к лицу. Змеино-быстрое движение руки только что лежащего полностью без сил оказалось полной неожиданностью. Парень выхватил его собственный кинжал и уверенно, будто проделывал это неоднократно, всадил в бок. Выдернул, не обращая внимания на рев раненого медведя, и ударил снова, под подбородок, не дожидаясь, пока опустится огромный кулак, непременно размозживший бы голову.

Огромная туша, агонизируя, свалилась сверху, заливая обидчика кровью. Победитель с трудом спихнул ее в сторону и сел. Голова болела жутко, ко всему в ней была жуткая каша. Связдо мыслить не получалось, постоянно мелькали накладывающиеся друг на друга картинки и воспоминания. Мало того что они были никак не связаны, так еще и принадлежали двум разным людям и не имели между собой ничего общего, частично вытесняя прежнюю жизнь новой. Кто б он нынче ни был, но уже не прежний, а нечто среднее между двумя умершими людьми. Это мешало и сбивало с толку.

Одно он знал точно: оставаться здесь крайне опасно. Его привезли сюда тихо, без публичности, как теперь понимает. Кое-что из сказанного магом сохранилось в памяти, и шанс, что никто не остановит, достаточно весом. Главное, попасть к воротам. Днем они открыты и не особо тщательно охраняются. Во дворе вечно полно народу. В этом он был уверен, хотя не смог бы объяснить, откуда взялась мысль. При везении никто не обратит внимания еще на одного человека. Тем более приказа ловить и не пущать не отдавали.

Идти в этих тряпках, ко всему прочему измазанных в крови, было, естественно, нельзя. Требовалось найти нечто менее заметное. Для начала осмотрел покойника. Пояс с чехлом для ножа честный трофей. В мешочке оказалось несколько медных монет и пара серебряных. Уже неплохо. Размерчик кафтана несуразный. Будет смотреться как на чучеле. Скорее напротив, привлечешь внимание. К тому же ничуть не менее запачканные вещи. Вот обувь иное дело. Его излишне бросалась в глаза. Белая, с синими полосками. Кроссовки? Знать бы еще, что это и где производят. Память отказывалась откликаться, и попыт-

ки копаться в прежнем вызвали новый зверский приступ головной боли.

Ну и небо бездомное с ними. У трупа оказалась на удивление маленькая нога, и башмаки с завязками почти впору. Чуток больше нужного, но с портянкой нормально. Откуда он знал, как наматывать, вспоминать не пытался. Руки сами проделали все нужное. Прежнюю обувь сунул в холщовый мешок, найденный в углу, отправив заодно туда же пару светильников, тоже недешевая вещь. Обнаружил при тщательном осмотре помимо зелий в банке, которые трогать побоялся, кучу всякой полезной мелочи. Огниво, трут, шило, ножницы, небольшую кастрюлю, ложку, две кружки, ступку, два ножа: один с тупым широким лезвием и обломанным, но острым у конца, кожаный фартук и, что гораздо важнее, — рабочую одежду мага. Обычная домотканая рубаша и брюки по размеру только слегка меньше нужного. Ну, это не страшно. Парочка залатанных дырочек тоже в счет не шла. По крайней мере, никто не станет пялиться, как если б надел майку с «чужим».

Тут он невольно замер, пытаясь осознать мысль. И сразу выбросил из головы лишнее, услышав шаги. Схватил кочергу и встал рядом с входом. Через десяток ударов сердца дверь отворилась, и в комнату шагнул маг. Практически сразу он принялся разворачиваться, хватаясь за пояс, однако даже изумительная реакция не спасла. Сразу заметил беспорядок, хотя труп лежал в стороне, чтоб не заметили сразу, а в темном помещении кровь в глаза не бросалась. Острый конец железного прута обрушился на затылок и проломил череп. Маг еще падал, а он уже снова и снова втыкал ему в спину кинжал. Говорят, друиды высшего уровня способны и после этого восстановиться, поэтому старательно отрезал голову у еще дергающегося.

Неприятная работенка и грязная, однако чего не сделаешь ради спасения. Их же не пожалели, с какой стати беспокоиться о чужой жизни.

Денег у нового покойника не нашлось. И то, зачем хозяину в собственном замке монеты. Зато пуговицы оказались золотыми (!), на камзоле мелкие жемчужины. Их тоже старательно срезал. Неприятно раздражало полное отсутствие карманов. Все ценное добро здесь носят на поясе в мешочках или на шее. Каждый раз демонстрировать наличие платежеспособности и

показывать сомнительные вещи не улыбалось. Надо как-то разделить по пакетикам и держать отдельно.

Цепь с медальоном. В конце концов, металл можно загнать. Перстни с пальцев. Пояс с серебряными бляшками тоже прибрал. Как и нож с крупным драгоценным камнем на рукоятке и накладками из слоновой кости. Но главный приз оказался другой. Пистоль из кожаной кобуры на поясе лег в ладонь максимально удобно. Колесцовый замок был в Анклавах категорически запрещен для людей. Друиду, похоже, то постановление не указ. Имелось в виду, что изобретение позволяет носить оружие полностью готовым к стрельбе в отличие от фитильного, обременяющего стрелка необходимостью орудовать огнивом и зажигать фитиль, а потом еще раздувать его. Да и просто к непогоде и тряске заряд в колесцовом замке был менее восприимчив.

Пуля, порох, как взводить — догадаться несложно. Хорошая вещь. Сунул за пояс, прикрыв полой рубашки, и, осмотревшись в последний раз, повесил мешок на плечо, благо завязочки и ремень имеются. Дальше сидеть было б глупо. Пора уносить ноги. Оглянулся на себя, то есть на второе тело, и с холодком в душе, неизвестно, как отнесутся высшие силы к такому действию, то ли самоубийство, то ли нет, добил пускающего слюну идиота.

Осторожно высунулся за дверь и обнаружил закручивающуюся спиралью лестницу. Стараясь не топтать ногами, спустился на пару пролетов вниз, никого не встретив. К сожалению, выход, а он это прекрасно помнил, проходил через караулку. Сейчас оттуда доносились невнятные голоса. Сколько их, толком не разобрать, но когда его прежнего провели наверх, сидели трое вооруженных. Вряд ли они не поинтересуются, кто позволил ему свободно разгуливать. Значит, нужно убить быстро, не дав поднять тревогу. Проще сказать, чем совершить. Выбора не было. За хозяина на куски порежут.

Как по заказу, из заскрипевшей противно двери караульной, никто не озаботился петли смазать, вышел человек. При виде чужака открыл было рот закричать и опрокинулся назад, получив пол-локтя стали кинжала под сердце, причем умело, чтоб не застряло острие в ребрах. Хрип падающего был прерван сталью в ухо. Резать глотку долго, а стрелять нельзя — шум. Сбегутся другие, а он не в форме и долго не продержится. Поэтому, не задерживаясь, рванул дверь, держа кинжал на изго-

товку. С порога воткнул в живот встающего мужчины. Видимо, тот нечто услышал и намеревался выяснить. Он трижды пробил кожаную куртку и, перешагнув через тело, оскалился от удовольствия. Вместо третьего вояки присутствовал совсем молоденький парнишка в ливрее слуги. Завизжав, тот попытался убежать, но дальше стенки драпать оказалось некуда, а пришелец не постеснялся ударить в спину, в область почек. Парнишка еще дергал ногами в агонии, а незванный гость обвел безумным взглядом помещение. Удача с ним. Надо будет Тюхе, богине удачи, принести жертву. Будь здесь настоящий воин-профессионал, стоя на ватных ногах, осознал, плохо б закончился его приход. Судьба на его стороне, и Мойры нить не обрежали.

Первым побуждением было обшарить трупы на предмет трофеев. Затем мысленно плюнул, отказываясь от намерения. В лабораторию никто б посторонний не вломился. Здесь иное дело. В любой момент кто-то способен заглянуть. Возможная трофейная мелочь не стоит жизни. Некогда терять время на шмон. Где-то ходит третий охранник. Когда смена, неизвестно, проверяют ли регулярно верхние этажи — тоже. Лучше дурью не маяться и драпать, пока не застучали.

Дверь выходила прямо во двор. Там была тишина и благодать. Шума никто за толстыми стенами не слышал, а в стороне разгружали телегу с бочками. Кроме нее стояли еще две с каким-то грузом. Битые гуси, мешки. Похоже, оброк привезли из деревни. Стражник торчит у повозок, раздавая указания, будто его дело. Куча народа, и еще на одного внимания не обращают. Местные принимают за приезжего, а крестьяне за здешнего работника. Главное, спокойно идти с деловым видом.

В воротах замка никого. Дисциплина явно хромает. Шаг, еще шаг и еще, все время ожидая крика: «Держите его!» Пронесло. Никто и не подумал окликнуть или поинтересоваться, что он тут делает.

Метрах в трехстах начинался чахлый лесок, однако туда рваться бессмысленно. Рано или поздно пустят погоню, и без собак не обойдется. Терять время нельзя. Бежал почти всю дорогу, к счастью, не особо долго. Попадающиеся навстречу люди смотрели с недоумением, но не окликали. Пристань практически рядом, и замка на цепи не имеется. А лодка хорошо знакома и приготовлена неслучайно. Одному справляться не просто, да выбора нет.

— Ты чего делаешь? — спросил с недоумением какой-то пожилой дядька. — Это не твоя. — И отшатнулся, делая охраняющий жест, когда обернулся и посмотрел на сильно любопытного.

Было нечто в глазах у него безумное, отчего связываться совсем не хотелось, и рука на рукояти кинжала достаточно красноречива. Человек выгреб чуток от берега, поставил парус и, мысленно показав неприличный жест, — пусть теперь ловят! — пошел на север, благо ветер удачный. Теперь, главное, не уходить слишком далеко, чтобы не потерять ориентиры.

Часть первая

ЧУЖАК

Глава 1

ПАЛОМНИК

Я очнулся в полной темноте, но паниковать не стал. Прекрасно помнил, что к чему. Прежде чем вырубился, загнал лодку в давно присмотренную пещеру. Скалы здесь обрывистые, пристать невозможно и с моря ничего не рассмотреть. В отлив можно спокойно пройти, если знать нужные точки. Прилив закупоривает вход, но внутри места достаточно много. Даже высшая точка пребывания воды не заполняет полностью пустоту. Мне ее показал один из местных контрабандистов, чуть позже «случайно» утонувший при легкой помощи. Шансов, что найдут здесь, — ноль. Можно отсидеться, пока искать не надоест. А заодно и подумать.

Головная боль прошла, оставив нечто странное. То есть вместо путающихся картинок имелось достаточно четкое знание. Чего б ни добивался друид, в итоге получилось некое странное слияние двух человек. От одного откровенно воротило, столько на нем крови и грязи. Убийца родича, беглец от кровной мести, подавшийся в наемники и закончивший бандитизмом. Другой абсолютно не приспособлен к жизни, но имел неплохое образование: два курса университета по специальности «химия» давали огромный бонус. Я неплохо помнил органическую и аналитическую химию, ее историю и методологию, математику с алгеброй, частично физику и множество иных дисциплин типа экологии, биологии и истории России.

Прежний вожак банды ничего б не понял в словосочетании «неорганическая химия». Нынешний человек, склеенный из двух, не только представлял себе, чем она занимается, но и какую пользу можно извлечь. Конечно, не мгновенно. Деньги потребуются немалые, и прежде зацепиться надо. Но перспективы неплохие.

Зато практически полностью потерял воспоминания о семье, родственниках и прежней жизни. Наверное, к лучшему. Некогда тосковать и мечтать о возвращении. Тем более два последних года провел не в лучшем состоянии. Острый лейкоз и близкая могила заставили сказать «да» на достаточно странное предложение. Когда смерть рядом, хватаешься за любую соломинку. Самое удивительное — не обманули. Я абсолютно здоров!

Тогда меня разбудили без особой грубости. Пришел какой-то сомнительный тип, мало напоминающий непременно волшебника-мудреца, собирающегося объявить, что я из давнего пророчества и обязан свергнуть Черного властелина. Он сунул бумажку, на которой было написано на русском примерно следующее:

«Есть другие миры, на которых живут разумные существа. До них можно лететь сотни лет на космическом корабле, а можно сделать только один шаг — и ты уже там. Это случается очень редко, но бывает. Для этого должно совпасть несколько условий, которые тебе знать ни к чему. Я находил на Земле богатеньких людей с медицинскими проблемами, необязательно с раком крови. Вариантов множество, но итог — выздоровление. Люди передают друг другу мои координаты, и уже давно не приходится самому заниматься поиском. В результате все довольны. Видимо, слух дошел не до тех ушей. Либо государственные органы заинтересовались, либо бандиты какие, что еще хуже. Мне любому сидеть, пусть и в золотой клетке, не улыбается. А выполнять чужие требования тем более. Вот и пришлось срочно ноги уносить, когда сообразил. Ты ни в чем не виноват, поэтому обещанное выполнил. Дальше выкручивайся сам».

Подписи не было. Кто оставил — догадаться нетрудно. Егерь. Но что делать после такого откровения? Тот мордатый мужик с харей каторжника и ручищами кузнеца сделал вопросительное лицо. Пришлось кивнуть. Он жестом пригласил на выход. Поскольку объясняться все равно не мог, оставалось послушно делать как указывают. Посадили на телегу, и через три дня оказался у того самого друида. До самого конца не обижали. Кормили-поили и ошейник на шею не вешали. Никакой опасности не чувствовал. А оно вот так обернулось.

Память здешнего жителя дала наконец пояснение. Есть достаточно неприятный культ Оркуса-Балора, владыки мира

мертвых. Его жрецов не любят, но ценят и боятся. Кроме стандартных обрядов похорон и поминовений они еще лечат. Отнюдь не травами или скальпелем. Это делается иначе. Берется человек и его жизнь меняют на жизнь больного, принося того в жертву. Обычно используют приговоренного к смерти или раба, так что никакого зверства. Все в рамках местных законов. Сам метод тайный и очень недешевый, но всегда найдутся люди, готовые на все, когда смерть заглядывает в глаза.

Совість меня абсолютно не мучила. По факту не имел понятия о способе лечения, видимо, как и все прочие земляне. К тому же моя новая личность воспринимала две других несколько отстраненно. Да, я помнил, но плохо соотносил с собой прежнее. И здешнего бандита, и тамошнего студента. Я уже нечто иное и не собирался принимать близко к сердцу чужие деяния. Жизнь хороша, и жить хорошо.

Мышцы ныли жутко, однако совсем другая боль. Слишком долго бегал и занимался греблей. Непривычно. И тело недовольно напоминало о запредельных нагрузках. Если верить уровню воды в пещере, валялся в полусне-полубреду не меньше двенадцати часов. Хотелось жрать, пить и...

Ну, с последним проще всего. Поднялся в лодке, опорожнил мочевой пузырь за борт с немалым облегчением. Глаза чуток привыкли, но не стал на них полагаться и на ощупь нашел каменную полку. Прежний хозяин сознательно промерил уровни, и даже в шторм море не затопливало самый верх. Осторожно пошарил и в глубине нашел мешок. Стащил его в лодку, продолжая идти вдоль кромки. Ага! Вот и ручеек, стекающий по трещине откуда-то сверху. Без еды жить можно, без воды долго прятаться не выйдет. Не пить же морскую. А здесь у меня и котелок заранее припасен. Слово, кстати сказать, не вполне отвечающее смыслу. Шлем, из которого выдрал подшлемник и тщательно почистил, чтобы не воняло. А затем промыл. Долго пил отдающую железом жутко холодную, от которой ломило зубы, воду, потом поставил его назад. Пусть наполняется. Пошарил по соседству и с удовлетворением обнаружил факелы, топор и еще парочку небольших, однако увесистых кошелей, спрятанных под камнями. Пара сотен серебряных монет, две дюжины золотых и немало медных. Во втором свертке шестьдесят два предмета из золота и серебра, а также их сплавы. Кольца, серьги, броши, фибулы, цепочки, пряжки, булавки, наперстки, ожерелье, браслеты. Еще два десятка золотых монет

и несколько камней. Лазурит, гранат, янтарь. Самое ценное из его доли наемничества и грабежей за семь лет. Разворачивать не стал, какой смысл проверять, если и так прекрасно в курсе, что там лежит. Не зря нычку делал, теперь можно смело смотреть в будущее.

Сел в лодку и принялся жадно грызть сухарь, размачивая в наполнившемся котелке. Просто жевать даже отличными зубами невозможно. Твердости он кирпичной. Такие используют в дальних плаваниях. Не портится, хоть месяцами лежит. Правда, в них частенько заводятся жучки, но я не брезгливый. Могу и насекомых употребить. Главное, сытость. А гурманствовать как-то в другой раз. Что я хорошо усвоил из наложения памятей, так невозможность в здешних краях задерживаться. Любой человек не сам по себе. Он член определенной общины или корпорации. Первый вопрос, который задают: «Ты чей?» И ответ должен содержать сословие, место проживания и профессию. Иными словами, ты говоришь, если чё, за меня впишутся. Это крайне важно. Приезжий всего один против толпы, и если за него некому вступить, последствия могут оказаться фатальными. Обидчик ответит не перед государством или местным хозяином, а перед покровителем пострадавшего. То есть, в случае конфликта, чья община или корпорация сильнее, тот и прав. И не дай боги обнаружится труп. Повесить на чужака удобнее всего. Ведь если о покойнике никто не беспокоится, значит, его жизнь ничего не стоила, а выдвигать обвинения против сильного всегда чревато неприятными последствиями.

А кто я? Никто. Я даже не могу назвать родичей. Конечно, всегда есть изгой, но разбойничать по лесам в компании рабов как-то не тянет. Поймают — вздернут без суда и следствия по одному подозрению. Есть вариант податься в наемники. Очень уважаемая корпорация, и всегда найдется занятие. Проблема, что не хочется мне лезть на стены под стрелами или кипящей смолой. Я-бывший провел в этом качестве пятнадцать лет, заработав кучу шрамов и чудом оставшись в живых. Повторить сей подвиг удастся немногим. Обычно до могилы от половины до пяти лет боевых действий. Любой Дом, а слово не иначе как произошло от *dominus*¹ и не имело отношения к славянской избе, стремится сохранить вассалов, пустив вперед солдатское мясо. Своих жалко, а этих всегда можно набрать снова.

¹ Господин (*лат.*).

Знать бы, куда подался егерь, можно б к нему напроситься в помощники. Пусть не на Земле, а в этом мире. Ход-то у него остался? Да где его искать. Мне к тем жрецам-лекарям путь заказан. Раз продали, запросто и вторично сделают. Тем более тогда я был никто, а теперь разыскиваемый преступник. Да и не станут отвечать о поставляющем больных, если и в курсе нового местожительства. С какой стати? Там охрана есть, сам видел, и мне ничего не светит. Хм...

А ведь есть еще один занятный вариант! Почему бы не податься на родину второй моей половины? Язык я знаю, ошибкам никто не удивится, раз вырос в другом месте. Претензий ко мне, если назовусь сыном, быть не может. Или тамошние пра-вила на потомков распространяются? Не помню...

В любом случае можно заплатить отступные. Деньги у меня есть. Не огромные, но солидные по любым понятиям. Семья из шести человек может спокойно прожить на двести денариев целый год. Денежная система здесь достаточно странная. Золотой аурей равнялся двадцати четырем серебряным денариям. А денарий — сто сестерций из бронзы. Эта монета — четыре медных гроша. Не настолько помню историю Древнего Рима, чтоб назвать период, но названия оттуда. Да и Оркус-Балор вроде из тех времен. К тому же эти самые италияно-испанские корни слов могут оказаться латинскими. Это что значит? Да ничего! Уж магии в известном мне мире не наблюдалось, свиномордых королей с полулюдьми, всплывшими в памяти, тоже. Какие-то общие корни с латинянами. С какого-то момента история пошла иначе, но мои здешние знания на этот счет могли побаловать разве сомнительной легендой о пришествии с изнанки зверолодей и уничтожении Золотого века человечества. Возможно, в ней присутствует рациональное зерно, но не особо интересно в данный момент.

С сожалением отложил мешок с сухарями. Хорошего по-немногу. Мне тут сидеть минимум пару дней. Вопрос, что делать дальше. То есть направление движения уже выбрано, но как правильной идти? Напрашивалось путешествие на лодке. Быстрее, удобнее и встречных проще избегать. Проблема, что моря я не люблю и боюсь. Абсолютно сухопутный человек, без нужных навыков. Это, собственно, о ком подумал? А, без разницы. Мы прежние тоже невеликие рыбаки. Землянин лодку видел исключительно со стороны, а местный тип дальше видимости берега сроду не заплывал. С такими навыками лучше не

рисковать. К тому же можно биться об заклад, когда начали искать, тот рыбак моментально все выложил. Значит, вдоль побережья весть пойдет. Обычно Дома не дружат, и, перейдя границу, ты в безопасности, но если за убийцу друида пообещают вознаграждение...

Надо высаживаться на берег и топтать ногами. Только не сразу, а через пару дней. Причем вряд ли кто станет искать практически под носом. Ловить станут в любом другом направлении. А пока нужно готовиться. Вода заметно отступила, и внутрь теперь попадал свет. Значит, прошло не меньше суток. Второй отлив был бы вечером. Неплохо отоспался. И неудивительно, что тело затекло и болело, когда очухался. Еще и это добавилось. Надо восстанавливаться, иначе трудно придется в дороге. До болезни студент слабаком не был. Чемпионом, впрочем, тоже. Немного борьба, слегка качалка. В морду дать мог, да не особо и приходилось. Теперь ситуация резко изменилась. Здесь придется драться всерьез, убивая.

Вылез на каменную полку. Не такая уж она и узкая. Для начала слегка приседания, отжимания. Потом вынул кинжал. С ножами прежде всерьез не играл, мышечная память отсутствовала. Зато твердо знал все связки и последовательности. Тот, прежний, в основном воевал в составе легкой кавалерии, но за долгие годы много чему научился. Рука вверху, острие направлено в глаз противника. Очень специфическая школа фехтования на саблях. Ничего удивительного, привез из дома. Гарда не закрыта, и блокировать удары нужно так, чтоб лезвие не соскальзывало к руке. Кинжал не имеет того веса, что сабля, но, даже помавав слегка вполонину более легким оружием всерьез, запыхался. А ты пофехтуй не укороченным вариантом, а настоящей килограммовой железкой — рука отвалится.

Передых, и все сначала, причем повторно в более быстром темпе, пока оставались силы. Приличного бойца в строю, умеющего правильно реагировать на команды, делают за полгода при помощи палки. Хорошего фехтовальщика учат годами. У меня для начала неделя, хорошая реакция и знание кучи финтов и подлых приемов. Главное, приучить мышцы к нагрузке, постепенно повышая. А профессиональный учитель имеется в голове. Отдых, еще один сухарь и снова сначала. Теперь с топором и ножом. Каждую связку тщательно отработать. Если понадобится — тысячу раз. Пока намертво не превратится в рефлекс. Настоящий мастер умеет импровизировать, а не

работает по шаблону, но я даже не воин пока. А если хочу выжить и произвести на родственников впечатление, обязан уметь драться.

Две дюжины дней спустя я стоял и смотрел на крепостные стены. Четыре дня просидел в пещере, пока имелись сухари. Затем выгреб к ближайшему удобному пляжу и, затопив лодку, углубился в бесконечные, заросшие деревьями холмы. Прямо идти в таких местах невозможно, к тому же старательно избегал любых людей. На птиц мне хватало и пращи, с которой неожиданно легко получилось. В основном питался рыбой. Пришлось серьезно потренироваться, пока научился бить острогой на ручьях. Первым делом вырубил себе подобие копья-посоха и привязал к нему один из ножей. Теперь им можно было колоть и резать. Рыба из-под воды ничего не видит, главное, не шуметь, не топтать ногами и не закрывать солнце. Тень, упавшую на воду, они сразу замечают. По-настоящему крупных не попадалось, тем не менее набить брюхо обычно хватало. Важно целиться чуть ниже, чем кажется из-за отражения.

Всю дорогу при малейшей возможности продолжал нарабатывать навыки работы с кинжалом и посохом. В целом все шло неплохо, несмотря на вечно полупустой желудок. Сложность была в погоде. Если днем еще терпимо, то ночью уже всерьез холодно. Сдохнуть от банальной простуды, переходящей в пневмонию, в мои планы категорически не входило. Конечно, можно было попытаться раздеть прохожего, отняв у него овчину, но по лесу случайные люди не ходили, а на дороге одиночек не наблюдалось. Все идет компанией, возможно, как раз на такой случай. Связываться с толпой мужиков было сыкотно. Просто приобрести — тоже. Ты покажи им серебро, так неизвестно, кто кого ограбит и закопает. Получалось, надо заглянуть в ближайший город и купить нужное, а заодно и выяснить насчет поисков. Забыли уже или нет? Не особо боялся быть узнанным. Стандартный портрет, рассылаемый в таких случаях, рисовать было некому. Все, меня видевшие в замке, находились в гостях у Аида. А нынешний я мало походил на прежнего. Обноски драные, хоть и не растолстел, но вместо болезненной худобы сплошные жилы и мускулы. Прежде съеденное уходило от постоянных болей, теперь шло в мясо, возвращая прежнюю форму. Мне б нормально питаться какое-то время и стану молодцом в полном расцвете сил.

Бург хоть и небольшой, однако на достаточно оживленном тракте, и народу по дороге таскается немало. Трактир для приезжих не зря у перекрестка. Кто не хочет платить за ввоз товара, следуя дальше, может заночевать вне стен. Дом был сложен из крупных бревен и, судя по всему, давно. Дерево почернело. Внутри одно общее помещение без всяких перегородок и прилавок. Готовили на огне прямо в углу, в печи, и отгорожена была так называемая кухня драной и засаленной дерюгой. Света мизер. Два узких окна, закрытых бычьими пузырями. Они сами по себе мутноватые и света пропускают самую малость. Память исправно говорила, что таких заведений повидал не одну сотню и они особо не отличаются по обстановке и ассортименту, однако реальность совсем иное. Прошлое превратилось в нечто вроде кинофильма. При необходимости нужные сведения всплывают, и картинка не удивляет, однако все как бы отстраненно. Я лично прежде, если можно так сказать, не трогал и не нюхал окружающую действительность.

— Чего имеется поесть, — плюхаясь на скамейку и сгребая прямо на пол оставшиеся от предыдущего гостя объедки, — и пива, — требую.

В ответ на оценивающий взгляд трактирщика выкладываю на стол заранее приготовленную серебряную монету. Номинала не видно за древностью, но на вес половина стандартного денария. Ясное дело, грязен, оборван, зарос уже не щетиной, практически начало бороды, но бреются здесь исключительно высшие сословия, и одет в найдешевую ткань. У такого редко деньги водятся. Еще и пристроился в самом углу. На самом деле чтоб стенка была за спиной и соседи отсутствовали, но здесь приземляются обычно небогатые прохожие. К счастью, на улице день в разгаре и не так много посетителей.

— А остаток за ночевку.

— Комната имеется, но доплатить придется.

— На сеновале выплюсь. — Не люблю спать внутри помещения в здешних местах. Помимо обычного набора из блох, вшей и прочей кусачей радости еще и душно от множества людей. Кто-то рассчитывает на отдельную комнату с большим окном и кроватью со свежими простынями? В ней спят по трое и одетыми. Иногда прямо в башмаках. А то и прямо на полу целой компанией. Лучше уж отдельно. Холодновато, но пока не зима. — И утром слегка перекусить.

Он с сомнением осмотрел потертый кругляш и, кивнув, удалился. Уж что-что, а здешние расценки прекрасно знаю. И так слегка переплатил. В самую меру, чтоб можно было б возмущаться при плохом угощении.

Покойный друид сказал «память». Основная все ж прежняя от разбойника-наемника, но много и от парня. Рассказывать о случившемся или тем более позволить кому-то ковыряться в своей голове я не собирался. Есть опытные друиды, способные заставить вспомнить любое слово, произнесенное в твоём присутствии, но зачем? Как бы вместо перехода назад не разобрали на части, изучая феномен. Одного близкого знакомства с настоящим магом более чем достаточно.

— Как зовут? — спросил трактирщик, ставя на стол горшок с едой. Накрыл сверху краюхой хлеба и добавил кружку, опять же с крышкой в виде желтого сыра.

— В... валид, — с запинкой выдаю.

Вот так и горят на пустом месте сильно хитроумные граждане. Все обдумал, а имя забыл изобрести. Конечно, можно и прежнее выдать, все равно с былым телом ничего общего, но раз начал с Владимира, дико переходить на Капида. Вот и вышло нечто среднее, как все нынче.

— Иду в паломничество на юг, в Эрдей.

— Ханиф? — спросил трактирщик с глубоким сомнением. На проповедника аскетизма гость мало походил. И молод, и не уточнял насчет мяса. Кроме того, на поясе кинжал, в руке дорожный посох. Таким из неприятного человека можно выбить дух запросто. У кого нет средств или умения обращаться с мечом, нередко используют его даже в бою, и в умелых руках это настоящее оружие. Ханиф никогда не станет есть ничего помимо растительной пищи и не убьет.

— Куда мне, — со смешком отвечаю. — Жрец обязал посетить древние священные рощи и в каждой жертву принести за нарушение гейса.

Это трактирщик понял и уточнять не стал. Дурной тон выяснять, чего запретили при даровании имени. Поступить вопреки наложенному запрету крайне неприятное деяние, но иногда избегнуть этого нельзя. В прежние времена к этому относились крайне серьезно. Теперь можно было отмолить, совершив определенные действия. Главное, вопросы отпадают. Можно спокойно посидеть, пожевать в удовольствие.

В горшке оказалась пшенка с кусочками мяса, подливкой и луком. Подозреваю, не из молодого поросенка эти жесткие остатки. Но за уплаченную монету на большее рассчитывать и не стоило. И так недурно. Жрать хотелось до безобразия. Постоянная ходьба и физические упражнения с оружием требовали восполнения сил.

Наглотать не надо и правильно будет уходить из мормэра Росс¹ на юг и через пролив в сертан². Там можно будет устроиться. Не то чтоб особо много имелось, но, все продав, можно безбедно жить до старости. Правда, надо еще знать, кому цацки сдавать, а то плохо кончится. Неоткуда простому мужику иметь столько добра сразу. Прежде хоть за наемника сошел бы, да и связи определенные имел, а теперь попробуй сунуться по старым адресам. Рожа нынче не та, и в момент хорошие знакомые Капида чужака прикончат, чтоб не болтал. Да я и не хотел идти к ним. Вдруг сдадут за награду. Этому парню они ничем не обяваны.

Отхлебнул из кружки и постарался не скривиться. Эти поmoi очень мало напоминали настоящее пиво. Причем память здешняя сообщала — неплохо. Бывает гораздо хуже. А земная яростно плевалась. У него вечно все паршиво: запахи, вкус, холод, отсутствие нормального ложа и так далее. Хлюпик. Настоящий мужчина на такие мелочи внимания не обращает. Кстати, попытка найти нечто полезное вышла пустышкой. Как пить и жрать, та память много знала, а вот готовить... Не удастся сварить замечательное пиво, увы. И стать богачом на этой почве тоже.

Набив брюхо и допив остатки так называемого пива — не пропадать же добру, сидеть не стал, хотя тянуло подремать, радуясь приятному ощущению. Поднялся и вышел. Особо мозолить глаза не хотелось, раз закончил, непременно кто-то подсядет и начнет расспрашивать. Слишком долго заведовал гостиницей, чтоб представлять, как это бывает. Новый человек всегда интересен. Принесет известия из соседних деревень и бургов. Расскажет о политике высокой и малой, войнах и стычках. Об урожаях и налогах. Тем множество, и за неимением газеты и радио всегда найдутся желающие просветиться. К сожалению, я мало что мог поведать. Может, излишне стараясь ос-

¹ Тут существует феодализм, и если эрлство — баронство в нашем понимании, то мормэр — герцогство.

² Искаженное латинское слово «пустошь, глушь».

таться незаметным, появился не со знакомого направления. Якобы шел с другой стороны. Кто-то мог и видеть, поэтому сделал крюк. А тамошних новостей я не знал и опасался спалиться.

Лучше посидеть в другой пивнушке и послушать, чтоб было чего потом рассказывать. Дальше уж путь прямой по дороге и петлять незачем. А пока дотопал до обычной в таких местах торговой площади по узким кривым улицам. Пованивало, безусловно, но ничего ужасного. Никаких куч мусора вопреки представлениям людей будущего. Еще бы, зря ничего не выбрасывают. Обьедки свиньям, кости и тряпки охотно брали старьевщики, навоз и дерьмо из отхожих ям вывозили специальные люди. Частично они шли на удобрения. Даже мочу использовали для стирки и отбеливания. Ничто зря не пропадало, и уж точно на головы прохожих ничего не выливали из окон. Даже если после этого к судейскому не поволокут, сам себе на пороге вонючую лужу сделаешь, и городской совет оштрафует.

Первым делом осмотрелся в поисках менялы. На ярмарке всегда имеется парочка. Монеты ходят самых разных видов и номиналов, ростовщицеством или кредитными операциями для торговцев такие люди тоже занимаются. Серьезные суммы в маленьких бургах редко кому требуются, но этот был средних размеров. Тысяч пятнадцать жителей — совсем не ерунда. Таких на всем полуострове с десяток из трехсот. Продал старичку-ювелиру золотую пряжку для пояса из захоронки. Показывать трактирщику опасался, прекрасно помня собственные подвиги. Ну не свои, а одной из прежних составляющих, но какая разница. Светить наличием ценностей, не имея поддержки в чужом поселке, не рекомендуется. Другое дело — с доброй компанией, увешанной оружием. Хотя и с такой может произойти неприятное происшествие.

Старый козел дал серебро по весу, как положено, один к двадцати четырем минус свой жлобский процент, не учитывая художественную ценность. Нечто подобное было ожидаемо, и именно поэтому торговать изделиями, не будучи ювелиром или официальным членом гильдии, не стоит. Ругаться смысла не имеет. Везде одно и то же, так и норовят «обуть» простого человека, чтоб не сказать грубее. Торчащий у входа в лавку мужлан с дубинкой мог не только охранять от грабителей, но и заниматься выбиванием долгов у взявших ссуду. Мне, тьфу, не мне, конечно, Капиду приходилось и этим заниматься. Не осо-

бо сложная работенка, правда, и много не поимеешь. Пряжка была увесистая, не зря на черный день сохранил, получил неплохо для дальнейших приобретений. Извлекать тяжелый кошель из мешка крайне не хотелось, а теперь есть второй, и при неудобном вопросе всегда можно сослаться на скупщика.

Дальше двинулся на поиск подходящей лавки. Жутко надоело мерзнуть по утрам. Требовалось одеяло, теплая куртка, нижнее белье вроде кальсон. Обувь тоже не мешало бы сменить. Не потому, что следы где-то сохранились или местный егерь Зоркий Глаз мог обнаружить и сопоставить, а совсем развалились от беготни. Лучше уж сапоги, хотя здесь не делали стандартных и изготовление могло затянуться. Ну на то есть лавка старьевщика. Может, повезет. Еще продукты в дорогу. Все дешевле, чем у трактирщика брать. Торговая площадь самое удобное место. Все рядом и частично дешевле, даже мелочные торговцы цену скинут.

Тут я невольно остановился, отвлекаясь от раздумий. Бродячие артисты показывали представление на площади. Огромная свинья гонялась за друидом, требуя денег. Тот убежал, попутно раздевая крестьянина, ремесленника и подсовывая вместо себя наемника, трусливо уклоняющегося от исполнения долга. Отношения моих бывших товарищей с окружающим миром редко бывали теплыми. Простые люди их ненавидели и боялись: сборные отряды состояли из худших представителей человечества, частенько жили грабежами и насилием. Дома хотя нанимали на службу, редко им доверяли. При непомерных аппетитах вояк и высокой цене на их услуги проблемы с оплатой возникали даже у самых богатых и влиятельных государей. И держать серьезный отряд в узде трудное дело.

Зрелище было грубым, реплики матерные, но народ довольно смеялся. Намеки уж больно доходчивые и приятные просто-народе. Потом начали показ номеров: хождение по канату, глотание огня. Это меня не интересовало, и двинулся дальше. Куртка с капюшоном досталась совсем дешево, одеяло, напротив, дорого. Ну, плюс на минус выйдет нормально. О! А вот на это нужно взглянуть. Самый настоящий арбалет, именуемый продавцом почему-то гастрарфетом. Что-то мне почудилось в названии греческое.

Это не армейский экземпляр. Малого размера, с железной дугой и хорошо знакомым ружейным прикладом. Болт пойдет недалеко, максимум метров на пятьдесят, но мне в странствиях

пригодится. Пистоль вещь приметная, и позволить его могут не все. Шума тоже много. Лучником я-прежний был неплохим, но ничего под свои запросы не обнаружил, а здесь будто по заказу для неумех. После длительного торга отдал практически все, приготовленное заранее, включая серебро за пряжку, зато получил дюжину болтов в придачу.

Теперь купить продуктов в дорогу и можно валить отсыпаться. Тут невольно затормозил. Про существование книжных лавок слышать доводилось, но обычно в них не заглядывал. Капид такими вещами не интересовался, хотя надписи разбирал на нескольких языках, как с удивлением выяснил. Буквы оказались хорошо знакомые, латинские, хотя и написание не всегда соответствовало привычным. Книг, кстати, не имелось. Это называлось свиток. Такие палки, на которые накручивался длинный рулончик. Чтоб читать, нужно с одной отматывать, на вторую накручивать и паяться посередине.

С трудом, по слогам, разобрал несколько названий на футлярах. Там были календари, травники, сонники, сборники древних баллад и современные, достаточно грубые истории, где все называлось как есть и вместо платонических вздохов под окном нищий любовник проникал в спальню подружки чуть ли не на глазах богатого мужа. Такие байки были в ходу у бардов-сказителей и у простого народа пользовались неизменным успехом.

«История Мавретана¹ и населяющих его племен» вызвала закономерный интерес. Новая память была выборочной, и многое исчезло, особенно из молодости Капида, замещенное воспоминаниями Владимира. Неплохо б освежить знания, да и тренировка в чтении. Приятное с полезным. Продавец, заметив заинтересованность, развернул свиток и с выражением зачитал список глав.

— Стоп! — говорю. — Про кинжал зачти.

— «Существует распространенное заблуждение, — покосившись на меня с сомнением, зачем неграмотному дорогой свиток, принялся гладко излагать, — относительно предпочтений каждого мавретанца формы флиссы. Отчего-то большинство людей полагают, что имеется только один вид — извилистый. Действительно, подобная разновидность является самой

¹ М а в р е т а н — историческая область на северо-западе Африки на территории современного запада Алжира и севера Марокко.

популярной, но вместе с тем изрядное число клинков прямые, прочие детали монтировки вполне традиционные.

Ох уж эти историки-путешественники, ничего не понявшие во взаимоотношениях племен. Форма «созерцающая змея», то есть без изгибов, характерна для очень определенных прибрежных народностей и подчиненных племен. Флиссы бывают очень разные и по размерам относятся то к кинжалам, то к саблям. На самом деле это нечто не то и не другое. Лезвие искривленное, обух, как у меча. При этом острие позволяет колоть, а не только рубить. Короткие носят в качестве второго оружия и как знак свободного человека. Длинные встречаются реже, но тоже не редкость».

За спиной снова захохотали. Судя по одежкам, скоморохи представляли нечто нелицеприятное о зажиточных горожанах. Пришедший с жалобой на хозяина замка пытался добиться справедливости, судья изображал глухоту. Положительно, здешние давно не получали по шее и излишне много себе позволяют. Очередной кривляка наполовину в красном, наполовину в синем камзоле с колпаком в руках собирал деньги.

Следующие четверть часа мы с хозяином лавки бешено торговались, призывая в свидетелей богов, духов, предков, соседей и закон, а также высказывая в самых разных вариантах поносное мнение о происхождении собеседника и его качествах. За не такой уж большой свиток, да еще и с рисунками, текста минимум, он требовал целое состояние. В пылу спора я придвинулся к стопке футляров и смахнул на пол под громкое возмущенное кудахтанье хозяина. Пытаясь загладить вину, поднял свиток и обнаружил небезызвестное полузапретное сочинение «Пришествие зверолодей. Аперы¹, урсы² и латраны³».

Небрежно кинул в общую кучу, покачав головой и закатывая глаза. Приходилось слышать отдельные куски и прежде. В среде наемников оно непременно ходило по рукам, из него зачитывали молодым, посвящая. Наверное, самое известное сочинение на данную тему, но ему лет триста, и давно все поменялось. Лет сто назад за эти писания на крест привязывали. Чтоб мучились дольше. Совсем охамели люди, практически не прячут.

¹ А п е р — кабан (*лат.*).

² У р с — медведь (*лат.*).

³ Л а т р а н — койот (*лат.*).

— Карта есть нормальная? — спрашиваю. — Чтоб дороги и всякие мосты с деревнями обозначены были до самого моря.

Он моментально извлек нужный свиток и развернул, показывая. А что, нормально изображено. Без мифических драконов и с соблюдением масштаба. К тому же очередное подтверждение догадки. Испания, Франция и северная часть Италии с очень знакомыми очертаниями. Правда, вместо привычных названий Беттика, Тараскония, Нарбония, Аквитания и сюрприз — Латиния. Деревень, конечно, не имеется. Но мосты, дороги и серьезные города обозначены. То что надо. Язык, конечно, и до Сеуты доведет, однако иногда лучше не спрашивать.

С площади раздалась пьяные возгласы и неприятный женский визг. Потом звук удара. Я обернулся. Трое молодых дѳомов, тут не ошибешься при виде дублетов и причесок (только у богачей хватает времени ухаживать за длинными волосами, прочие стригутся коротко), случайно или вполне сознательно отпихнули торговку, рассыпав все ее булочки. Судя по выкрикам, они были крепко пьяны и ничуть не раскаивались в содеянном. Так и шли, распахивая не успевших убраться с дороги и отвешивая тумачи.

— Это мой товар! — визжала стоящая на коленях женщина. — Пусть заплатят!

— Здесь вольный бург! — вскричал один из торговцев гневно.

Красномордый потомок знати раскатисто захохотал, и замершая толпа, внезапно подхваченная общим порывом, нахлынула на дебоширов. Кажется, до тех дошло, что ситуация оборачивается не лучшим образом, и выхватили шпаги. Это были отнюдь не тонкие прутики, как представляется. Такими клинками можно не только колоть, но и рубить. Пытаясь пугнуть, один сделал выпад, однако недобро ворчащее сборище простонародья не отступило.

— Бей их! — зазвенел молодой голос. Ненависть прорвалась всерьез.

От взмаха шпаги один человек отшатнулся, зажимая рану, и тут началось.

— Смерть им! Смерть! — рычал многоголовый зверь.

Попытки обороняться ни к чему не привели. Кто-то из падавших упал, заливая кровью булыжники, но удары сыпались со всех сторон, и в ход пошли не только палки, но и ножи. На близком расстоянии от них защиты не было, а горожане

прекрасно умели обращаться с оружием. Какое-то время множество народу клубилось на небольшом пяточке. Домов уже топтали, и когда столь же внезапно, как началось, отхлынуло, на земле лежали практически неузнаваемые тела. Кто-то видел, что случается, когда бревно падает на человека? Приблизительно это.

Из переулка выскочили двое с повязками городской стражи. Почетная обязанность граждан вольного бурга — патрулировать улицы по очереди. Еще обычно и приятная. Можно спокойно посидеть в кабаке, а за труд на общее благо город платит. Но не в данном случае. Они явно растерялись, не зная, кого хватать и что предпринять. Скоро придут и другие, более ответственные люди из здешнего магистрата, и начнут искать крайних. Я торопливо сунул три золотых звена предварительно расклепанной цепи друида хозяину книжной лавки, схватил оба свитка и рысью поскакал в сторону ворот. Прекрасно знаю, чем такие вещи заканчиваются. Родители потребуют виру и головы виновных. Местным властям своих выдавать не с руки, потому на компенсацию согласятся, а вот найти убийц будет непросто. В результате спишут на бедняков или чужака вроде меня. Как-то мало верится в здешнее правосудие, спасибо, stalkивался и прежде. В худшем случае, если родичи покойников не удовлетворятся, закроют бург, сев в осаду. Оба варианта ни с какого бока не устраивают.

Глава 2

ГОРОДСКИЕ И ДЕРЕВЕНСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

На второй день путешествия в качестве паломника слегка успокоился и расслабился. Никто не гнался и не спрашивал имя. Никому я был не нужен. Может, зря запаниковал и сорвался. Хорошо хоть, взамен заплаченного за ночлег выгрыз у трактирщика снеди в дорогу. И так прогадал всерьез на стоимости, да еще и не помылся нормально. Тело уже всерьез чесалось и хотелось в горячую ванну. Или в баню общественную. Опять же проблема. Оставлять мешок с сокровищами без присмотра крайне не хотелось. А мыться с ним вместе чрезвычайно глупо. Непременно внимание обратят. Потому просто искупался в первом подвернувшемся ручье без мыла, но с наслаждением,

благо днем тепло. Заодно и вещи постирал. Потом прямо на теле высохли.

Не так чтоб по тракту много шлялось народу. В основном местные крестьяне в соседний бург или по каким делам. Весной время к гулянкам не располагает. Работать надо, и много, если не хочешь под конец зимы остаться с пустым амбаром. Хорошо патата, в смысле картофель, есть. Хоть какая-то польза от звероловудей. Только его не особо жрут, предпочитая скармливать скоту. А мне запечь на костре самое удовольствие. Дешево и сытно.

И все ж не одиночка в чистом поле, особого внимания не привлекаю. С удовольствием пристал бы к каравану купеческому, однако, как назло, мимо не проезжают. Ни в нужном направлении, ни обратно.

Ближе к вечеру на тракте впереди появилась немалого размера группа конных. Штандартов и флажков на копьях из-за дальности не видно, но всадников не меньше сотни и все вооружены. На всякий случай отодвинулся на обочину, пропуская. Когда подъехали ближе и увидел «шахматную» клетку на стяге, поспешно бухнулся на колени. Низшие сословия должны встречать танэрла демонстрацией покорности, а я должен себя вести правильно, если нет мечты обратить на себя внимание. Больше некому ехать под таким флагом. Правильные цвета мне неизвестны, чересчур много вариантов, но это и не важно.

Замер в униженной позе, смотря осторожно. Мощная фигура в броне, окруженная полулюдьми с огнестрельным оружием, проследовала дальше. Никто и не посмотрел на грязного человека. Хари у танэрла не видно из-за глухого шлема с маской. Не любят они демонстрировать окружающим без причины физию уродскую. Телосложением похож на человека, но это и неудивительно. Они тоже ходят на двух ногах, пользуются руками, и без головы их не отличить от людей. Приходилось видеть несколько раз вблизи, а однажды труп. Особо не впечатлился. А вот когда рубился лет десять назад рядом с одним таким в бою, всерьез зауважал. Настоящий мастер фехтования. Но они в этом смысле от людей особо не отличаются. Есть разные и не все настоящие бойцы.

Кавалькада пронеслась мимо, наградив кучей пыли, осевшей на голову и одежду. Поднялся и побрел дальше, размышляя на занимавшую тему. Можно не сомневаться, отряд идет к мятежному бургу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ЧУЖАК	19
Часть вторая. ПОЛКОВОДЕЦ	190